А. А. ГУСЕЙНОВ

О ВЯЧЕСЛАВЕ СЕМЁНОВИЧЕ СТЁПИНЕ, ЧЕЛОВЕКЕ И ФИЛОСОФЕ

В этих заметках мне хотелось бы рассказать о философских взглядах Вячеслава Семёновича Стёпина и его роли в организации философской жизни страны, о единстве этих двух аспектов его деятельности на протяжении последних тридцати лет жизни. Впервые с ним я познакомился в 1988 г. на собрании коллектива Института философии Академии наук СССР, на котором вице-президент академии академик П. Ф. Федосеев представил его в качестве нового директора. К тому времени я сам был новичком в Институте, приглашенным туда за год до этого в качестве заведующего сектором этики из Московского государственного университета им. Ломоносова, в котором преподавал 22 года. Так сложились обстоятельства, что я вошел, как это иногда называется, в команду Стёпина, стал при нем заведующим отделом, заместителем директора, сменил его на посту директора и до конца его жизни сохранял с ним деловую и человеческую близость. Говорю об этом с одной целью – обозначить дистанцию, с которой мог наблюдать его.

1. Это были годы лидерства Вячеслава Семёновича Стёпина в отечественной философии. Лидерства формального в качестве руководителя ключевых философских институтов: директора центрального академического научно-исследовательского Института философии (1988–2005), философской секции Российской академии наук (2005–20018), президента Российского философского общества (2000–2018). И лидерства неформального в качестве одного из самых авторитетных и рейтинговых российских специалистов в области философии тех лет. В Стёпине определено были лидерские качества. В своем кругу и в своем деле он стремился и любил быть первым. Из более раннего периода своей жизни он часто вспоминал о групповых путешествиях на байдарках, организатором которых он был, о том, как он наряду с философским отделением параллельно учился на физическом факультете, о своем участии в баскетбольной команде Белорусского университета, о том, как руководимая им кафедра философии Белорусского университета стала победителем соревнования среди всех философских кафедр СССР. Ему важно было быть первым и среди первых. Но не менее важно было быть **заслуженно** первым и среди первых. И быть первым и среди первых не только формально, а одновременно и даже прежде всего,

заслуженно, по гамбургскому счету, в глазах тех, которые понимают, ценят и сами стремятся стать успешными в том, чем занимаются.

Он был назначен на пост директора вместо занимавшего эту должность члена-корреспондента академии наук СССР Николая Ивановича Лапина, человека энергичного, деятельного, вполне успешного по номенклатурным критериям и одновременно пользовавшегося уважением в коллективе (он после этого продолжал работать в Институте успешным научным сотрудником и руководителем созданного им центра до своей кончины в 2022 г.). Коллективу Института, не имевшему никаких возражений или сомнений против нового директора, тем не менее было не очевидно, зачем отстранять от должности старого. И это недоумение обнаружилось в некоторых выступлениях и вопросах, прозвучавших на собрании. Тогда же в своем заключительном слове Вячеслав Семёнович сразу заявил о своей позиции, сказав, что он приступает к своей должности и ровно через год он уйдет с нее, если не получит единодушной поддержки коллектива. Сейчас не помню его точных слов, но смысл был однозначный: легитимность номенклатурную (формальную, идущую сверху) он принимает, но только в той мере, в какой она будет подкреплена и станет выражением легитимности фактической (низовой, совпадающей с «мнением народным»). Ему важно было быть первым, лидером именно в философском сообществе, по тем критериям, которые ценятся именно философами, учеными людьми.

Он не любил внешних выражений славословий и лести в свой адрес, как и не обнаруживал никаких видимых признаков своего начальственного положения, держал себя с окружающими совершенно естественно, в соответствии со своими естественно сложившимися привычками, в товарищеской манере, без какой-либо начальственной позы. Нельзя сказать, что он не ценил формальные знаки внимания (награды, приветствия и т. п.), но в неизмеримо меньшей мере, чем эксклюзивные, персональные и ненадуманные оценки его достижений: так, например, публикация его основной монографии «Теоретическое знание» в самой престижной серии по философии науки на английском языке или показатели цитируемости, конечно, были для него ценнее, чем сами по себе также вполне уместные государственные награды к юбилею.

2. Лидерские качества Стёпина стали благом, я бы даже сказал большой удачей для нашей отечественной философии. Совпадение формального и фактического лидерства, возможно, является благоприятным обстоятельством всегда и во всяком деле. Но бывают ситуации, когда это приобретает критически важное, даже решающее значение. Годы лидерства Стёпина были именно такими для нашей философии. Они пришлось на конец Перестройки, которая обернулась развалом советского государства и обвальным обрушением социального строя.

Философия была не просто затронута этими эпохальными и крутыми общественными изменениями наряду со всеми сферами жизни, она оказалась в самом их центре. Советская философия сложилась как теоретическая основа коммунистической идеологии, мировоззрение партии, которая руководит деятельностью народа, организует, просвещает, вдохновляет его на борьбу, труд и подвиги ради коммунизма. Она содержательно представляла собой диалектический материализм, состоящий из совокупности учений Маркса, Энгельса и Ленина, институционально находилась под прямым надзором партийных идеологических учреждений (так, для обучения на философских факультетах требовалась рекомендация областных комитетов партии, для директора Института философии АН СССР – решение секретариата ЦК КПСС, преподавать философию, как правило, могли только члены партии и т. п.). Она осознавала себя, была закреплена в публичном пространстве и в целом имела легитимный статус как единственная (безальтернативная) научная философия. Ясно, что коренное изменение государства и общества неизбежно должно было сопровождаться столь же коренными изменениями той философии, которая столь плотно связала свою судьбу с ними и в значительной степени была ответственна за них. Изменения в философии, которые сопровождали и выражали коренные социальные разрушения и преобразования, касались ее марксистско-ленинской (= коммунистической) определенности. Именно в этом качестве она разделила судьбу КПСС, которая была первоначально лишена руководящей роли, а затем и вовсе запрещена.

Стёпин в силу своего общественного положения оказался ключевой фигурой этих процессов, не в том смысле, что он принимал соответствующие решения, обосновывал, призывал к ним; ничего подобного он даже близко не делал и не мог делать, ибо по характеру, складу мысли, обстоятельствам биографии был начисто лишен демагогических соблазнов и навыков. Его ключевая роль сказалась в том, как реально протекали эти процессы: он направлял их так, чтобы они протекали разумно, контролируемо, чтобы, как говорится, вместе с ванной не был выкинут также ребенок.

3. Отход от монополии марксизма в той части, в какой это касалось философии, протекал сравнительно легко, ибо, справедливости ради, надо признать, что никто из философской среды публично на ней не настаивал. Когда в мае 1988 г. решением Политбюро ЦК КПСС Институту философии было предписано издание книжной философской серии отечественных авторов немарксистской и даже религиозной ориентации, в том числе и тех, кто был запрещен и изгнан из страны на знаменитом «Философском пароходе» в 1922 г., В. С. Стёпин возглавил редакционную коллегию этой серии, а журнал «Вопросы философии» сразу и охотно приступил к ее изданию. Одновременно Институт философии открыл свои двери для обсуждений,

дискуссий, исследований трудов и учений отечественных и зарубежных авторов, которые по разным причинам раньше были под запретом.

Что касается запрета коммунистической идеологии, то этот вопрос, как для его понимания, так и для практической реализации, был намного более сложным. Сам коммунизм в марксизме понимался неоднозначно, наряду с ортодоксальным взглядом существовали различные ревизионистские версии от тяготевшего к кантианству Бернштейна до механистов, отрицавших саму целесообразность и возможность его философского обоснования. Да и сам ортодоксальный взгляд был вариативным и допускал различные интерпретации. Главное же состояло в том, что идеологическая окрашенность и детерминированность применительно к различным предметным частям советской философии и у разных авторов были различными. Если говорить о советской философии периода Перестройки, то она в своем преобладающем общественном образе, в том виде, в каком она была представлена наиболее читаемыми трудами и авторитетными авторами, может быть охарактеризована как философия шестидесятников. В интересующем нас аспекте философия шестидесятников важна тем, что она сложилась в противостоянии догматизму «Краткого курса истории ВКП(б)» с его катехизисом «О диалектическом и историческом материализме» и в усилиях вернуть философскую работу к ее собственным исторически развивающимся критериям точности. Она складывалась в убеждении, что партийность философии совпадает с ее научностью и профессиональной основательностью, а не бюрократической, пусть даже и партийно-политической, конъюнктурой. Эта большая творческая работа философов страны на протяжении трех с лишним десятилетий была систематизирована в вышедшем в 1989 г. двухтомном труде «Введение в философию» под редакцией академика И. Т. Фролова, в котором ведущими авторами были ученые Института философии во главе с В. С. Стёпиным. Сам Стёпин был типичным шестидесятником, создавшим в Минске свою школу и получившим всесоюзную известность; он занимался методологией и философией науки, представлявшей во второй половине XX века передовой край гуманитарного знания. Он хорошо знал, что советская философия в целом освободилась от догматизма, в ряде областей вышла на передовые рубежи и отказ от навязываемых ей непрофессиональных идеологических шаблонов станет лишь завершением того пути, по которому она идет по крайней мере с 1954 г., если взять за отправной пункт прорыв, сделанный в том году на философском факультете МГУ им. Ломоносова двумя знаковыми, получившими широкий общественный резонанс событиями: кандидатской диссертацией А. А. Зиновьева «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)», а также обсуждением тезисов Э. В. Ильенкова и В. И. Коровикова о предмете философии.

4. Одно время высказывалась не получившая развития и не ставшая общим местом мысль, что следует различать советскую философию и философию в Советском Союзе. В первом случае речь идет об идеологическом (марксистском, коммунистическом) качестве философии как ее определяющей характеристике, во втором – о ее простой страноведческой принадлежности. Не отрицая наличия двух выделяемых уровней – демонстративно идеологического, даже пропагандистского и профессионально ориентированного – следует признать, что и второй уровень также не был свободен от идеологических рамок, хотя бы уже по той причине, что вся официальная советская философия идентифицировала себя и обрамляла как марксистско-ленинская и коммунистическая. Процесс выхода советской философии из идеологического плена на простор академической интеллектуальной свободы требовал перестройки как на всех ее этажах, так и во всех ее производственных «цехах» – образовании, исследовании, издательском деле.

Вячеслав Семёнович взял на себя функцию главного инженера в этом деле. Он возглавил группу ведущих специалистов по выработке новых стандартов преподавания философии в высшей школе при сохранении ее в качестве обязательного общеобразовательного предмета. В Институте философии была осуществлена целевая реорганизация, позволившая освободиться от идеологически изживших себя подразделений и учредить ряд новых направлений (политологии, философии техники и др.). На его базе был создан центр по переподготовке заведующих кафедрами философии. Все эти преобразования, которые, конечно, стали новым вызовом для многих коллег, были осуществлены таким образом, что никто не был отлучен от профессии. Масштабность научно-организаторского таланта Вячеслава Семёновича, состоящего в способности сосредотачиваться на ключевых целях общего дела и не сковывать при этом инициативу и действия исполнителей, обнаружилась в том, что он сразу стал искать новые возможности для издания философских трудов в профессионально более строгом формате. Так появилось издание трудов Института философии РАН. Вся эта огромная и разносторонняя научно-организационная деятельность, которая проходила при решающем воздействии Вячеслава Семёновича, создала совершенно новый ландшафт философской жизни в стране – из однотонного он стал многоцветным. Ситуация изменилась таким образом, что философий в стране стало много и разных.

Философия как совокупность конкретных учений и философия как социальный институт суть ее две различные, но взаимосвязанные и взаимно обуславливающие друг друга характеристики. В первом случае речь идет о содержании философии, во втором – о ее месте и роли в жизни общества, в системе духовного производства. Новое институциональное оформление

философии в постсоветской России, которое привело к плюрализму ее учений и эмансипации от идеологической предзаданности, неизбежно ставило вопрос о новом понимании предмета философии. И он естественно встал также перед Стёпиным. Итог своих размышлений по этому вопросу Стёпин подвел в статьях «Философия», «Культура», «Наука», «Цивилизационного развития типы», которые стали опорными в четырехтомной «Новой философской энциклопедии», научно-издательский совет которой он возглавил. Про саму эту энциклопедию, созданную Институтом философии РАН на рубеже тысячелетий, следует сказать, что она стала одновременно издательским и исследовательским проектом, призванным эксплицировать достижения отечественной и мировой философии в режиме вновь обретенной свободной профессионально выдержанной академической деятельности. К названным статьям Стёпин подходил не спеша, с особой тщательностью, придавал им большое значение, понимая, что они напрямую связаны с новым общественным статусом философии. Они заслуживают анализа каждая сама по себе. И соединенные все вместе как аспекты единой концепции они также требуют более развернутого и детального рассмотрения. В контексте данной публикации я остановлюсь только на одном вопросе – общем понимании философии в отличие от господствовавшего взгляда на данный предмет в советские годы и в его развитие.

5. Советская (= марксистская) философия определяла себя как научную и в этом видела обоснование своего монопольного положения: она рассматривала саму себя в качестве истинной, при этом единственной истинной в отличие от всех других философий, которые считались или незрелыми, как предшествовавшие ей, или ложными, как сопутствующие (параллельные) ей в других странах. Она, в соответствии с одним из утверждений Энгельса, рассматривалась как «наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»¹. Стёпин прямо соотносил такое понимание философии с тем, что она «строилась по образу и подобию науки и ориентировалась в первую очередь на анализ тех мировоззренческих следствий, которые порождают фундаментальные достижения науки. Именно в русле таких ориентаций и возникло понимание философии как науки о наиболее общих законах природы, общества и мышления (марксизм)»². Если это так, то философия действительно может претендовать на такую же или очень близкую безальтернативность (объективность, однозначность), каковыми обладают физика, химия и другие современные науки. Но так ли это?

Исследуя этот вопрос, Стёпин приходит к выводу, что «предметный и объективный способ рассмотрения мира, характерный для науки, отли-

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. С. 145.

² Стёпин В. С. Философия // Новая филос. энцикл. : в 4 т. Т. 4. М., 2010. С. 197.

чает ее от иных способов познания... Отражая мир в его объективности, наука дает лишь один из срезов многообразия человеческого мира. Поэтому она не исчерпывает собой всей культуры, а составляет лишь одну из сфер, которая взаимодействует с другими сферами культурного творчества – моралью, религией, философией, искусством и т. д.»¹. Философия дает рациональное понимание мира, которое основывается на достижениях науки, и в этом смысле оно является объективным, но оно не обладает той степенью доказательности и однозначности, каковыми являются экспериментально доказанные и математически выверенные выводы науки. И дело даже не в том, что философское знание всегда является субъективно выраженным и включает в себе ценностный, целевой аспект. Вячеслав Семёнович, насколько я знаю, не разделял мнение, выделяющее гуманитарные науки в особый класс по данному критерию, считая, что «в современной науке демаркация между естественными и гуманитарными науками уже не носит жесткого характера»².

Для него было более существенно, что философия рассматривает человеческое бытие и познает бытие не только в его пространственных измерениях, но и во времени.

Для законов науки нет прошлого и будущего. Люди как природные существа также подчинены естественно-научным законам. Однако их существование развернуто также во времени: как разумные существа (именно в силу своей разумности!) они обладают той особенностью, что помнят прошлое, но не помнят будущее. И философия, которая имеет дело с разумом, с мыслью, является мыслью о мысли, искусством мысли, имеет дело с бытием во времени, с изменяющимся бытием, с практикой, с деятельностью. Она не может игнорировать существенность различий между прошлым и будущим и поэтому не может базироваться на принципах, не учитывающих эти различия. Декартово *cogito*, представленное им как единственное несомненное доказательство существования (реальности) данного индивида, является в то же время единственным несомненным доказательством существования существования (самой реальности). Не знаю, как конкретно складывалась мысль Стёпина до того, как она оформилась в ответственный текст, и далек от того, чтобы приписывать ему то, чего он не говорил. Однако одно несомненно: в своих размышлениях о своеобразии философского взгляда на мир он пришел к необходимости найти ответ на вопрос о том, как объяснить системное многообразие философий и их неустаревающую ценность. И почему для философии особый интерес представляет взгляд в будущее.

¹ Стёпин В. С. Наука // Новая филос. энцикл. Т. 3. М., 2010. С. 23.

² Там же. С. 26

6. Ключевым для Стёпина было понимание философии как рефлексии над основаниями культуры. Сама культура в многообразии ее феноменов организована в целостную систему. «Их системообразующим фактором выступают предельные основания каждой исторически определенной культуры. Они представлены мировоззренческими универсалиями (категориями культуры), которые в своем взаимодействии создают целостный обобщенный образ человеческого мира»¹.

Философия, имеющая дело с предельно общими понятиями, как раз и формулирует их в процессе рефлексии над предельными основаниями культуры, которые в реальной жизни «выступают не только как формы рационального мышления, но и как схематизмы, определяющие человеческое восприятие мира, его понимание и переживание»².

При этом характер связи философии с живым опытом культуры исторически менялся. Так, европейская философия первоначально была односторонне ориентирована на опыт научного знания; «в конце 19 – 1-й половине 20 в. формируется тенденция преодоления сциентистской трактовки философии и осознания важности соединения рефлексии над наукой с мировоззренческим анализом других областей культуры»³.

То смещение акцента в понимании философии, которое предлагает Стёпин, на первый взгляд кажется незначительным: оно лишь расширяет ее предметное поле, включая в него наряду с научным знанием также многообразие других форм культуры и тем самым охватывая культуру в ее целостности. На самом деле оно существенно. Философия, понятая как рефлексия над основаниями культуры, сама включена в культуру и только в той мере, в какой она интегрирована в нее, участвует в формировании ее мировоззренческих универсалий, философия обретает свое качественное своеобразие. Мировоззренческие универсалии культуры не представлены в виде особого предметно выделенного слоя, они всегда сращены с особенностями культур конкретных народов и обществ. «В свою очередь исторически особенное в универсалиях культуры всегда конкретизируется в огромном многообразии групповых и индивидуальных мировосприятий и миропереживаний»⁴. Философская рефлексия над мировоззренческими основаниями культуры становится моментом, характеризующим сами эти основания.

Речь, таким образом, идет о самой диспозиции философии по отношению к своему предмету: она не просто познает свой предмет, как это имеет

¹ Стёпин В. С. Культура // Новая филос. энцикл. Т. 3. С. 343.

² Там же.

³ Стёпин В. С. Философия // Новая филос. энцикл. Т. 4. С. 197.

⁴ Стёпин В. С. Культура // Новая филос. энцикл. Т. 3. С. 343

место тогда, когда речь идет о всеобщих законах мира, она, познавая свой предмет (универсалии культуры), погружается в него, переформатирует, меняет его. Философское познание оказывается в то же время самосознанием субъекта – и самого философа, и тех людей, которые разделяют его взгляды.

Соотнесение философии не с одной лишь наукой, пусть даже предшествующей или возвышающейся над ней в качестве царицы наук, а со всей культурой в ее целостности, порождает целый ряд новых и плодотворных следствий: философия оказывается более тесно связанной с другими формами культуры (литературой, искусством, религией и др.), заимствуя свойственные им средства выражения и одновременно обогащая их мировоззренческим содержанием; она, оставаясь формой сознания, приобретает одновременно практический характер; усиливается критическая функция философии и др. Для нас важно особо подчеркнуть, что в рамках такого подхода философия сама приобретает плюралистический вид. Плюрализм как разнообразие (многообразие) не только допускается в качестве методического приема или особого исторически обусловленного состояния в истории философии, он постулируется в качестве нормального (адекватного) ей состояния.

Философия в ее современном виде, как и в прошлые эпохи, движима пафосом истины. Ее учения претендуют на объективную истину и – в своих пределах (а для философии они совпадают с предельными обобщениями) – на абсолютную истину. В этом философия была и остается схожей с наукой. Однако поскольку философия – не только род научного знания, но одновременно еще и самосознание, то ее учения неизбежно оказываются различными, что определяется различием их субъектов. Не случайно философии обозначаются именами тех, кто их создал: философия Платона, философия софистов, философия Аристотеля, философия Владимира Соловьёва, философия Сартра и т. д. И не случайно раз созданная философия остается в веках, сохраняя непреходящую ценность в сознании последующих поколений, подобно тому, как общество оберегает памятники культуры прошлого и отдельные живые люди хранят память о своих предках. Замкнутость философии на живой опыт культуры обуславливает ее деятельный, субъективный (исходящий из конкретного чувственного субъекта) взгляд на мир. Сам внешний мир, схваченный мыслью (философским сознанием) и именуемый ею то водой, то огнем, то числом, то бытием, то абсолютной идеей и т. п., становится миром культуры. В формулировке Стёпина это звучит, например, так: «Накопление философского знания о человеке и мире предполагает постоянную критику фундаментальных принципов философского исследования, переформулировку проблем, столкновение различных подходов. Разнообразие философских школ и стремление

философии к осознанию своих собственных предпосылок является условием ее развития»¹.

В то же время, как было сказано, каждая самобытная (оригинальная) философия претендует на объективность своих обобщений, при этом на исключительную (абсолютную) объективность. Как у каждой религии есть свой неоспоримый БОГ, так и у каждой философии есть своя ИСТИНА. Но в отличие от религии, которая держится на вере и для которой достаточно доброй воли, впрочем, отрицаемой ею и потому всегда в той или иной степени апеллирующей к аргументам разума, философия держится на исчерпывающей доказательной основе, приобретающей силу веры. Философия, поскольку она касается первых принципов, на которых держится доказательная сила разума, неизбежно выходит за пределы чувственного опыта. Это означает, что она не может опираться на опыт прошлого, так как прошлое нельзя вернуть, а если бы даже сие оказалось возможно, то философии в своей доказательной базе недостаточно опираться на прошлое, поскольку прошлое – только часть бытия, рассмотренного во времени. Первые принципы (в конкретной стёпинской версии: отрефлексированные универсалии культуры), чтобы обрести безусловность, должны иметь подтверждение, быть истинными также для будущего, от опыта которого человек отлучен. Они формулируются в качестве абсолютных истин. Они (явно, а чаще всего неявно) приобретают форму идеальных утопических проектов, истинность которых распространяется также на будущее или в будущем только и обнаруживается.

Вот развернутое обобщение Стёпина по этому вопросу: «Главное предназначение философии в культуре: понять не только каков в глубинных основаниях наличный человеческий мир, но и каким он может быть.

Историческое развитие философии постоянно вносит мутации в культуру, формируя новые варианты, новые потенциально возможные линии ее динамики. Многие выработанные философией идеи транслируются в культуре как своеобразные «дрейфующие гены», которые в определенных условиях социальных перемен получают мировоззренческую актуализацию... Последующее функционирование универсалий культуры может в явном виде обнаруживать свои философские основания. Так было, например, в Древней Индии и Китае, где господствующие философские системы (брахманизм, конфуцианство) формулировали принципы и нормы жизни, в соответствии с которыми реально воспроизводились основы социального устройства этих древних цивилизаций. Но чаще новые ценности, сложившиеся под влиянием философии, не демонстрируют своих истоков. Люди, принимающие сегодня ценности правового государства и гражданского общества, могут быть несведущими относительно их происхожде-

¹ Стёпин В. С. Философия // Новая филос. энцикл.. Т. 4. С.198.

ния, не связывают их с философскими идеями Т. Гоббса, Дж. Локка и других мыслителей, развивавших соответствующие идеи в дискуссиях своего времени»¹.

* * *

Таким образом, фактическое разнообразие (плюрализм, множество) реально существующих философий в публичном пространстве современной России, в складывании которого огромную роль играла научно-организационная деятельность академика В. С. Стёпина, получило продолжение, закрепление и научную легитимизацию в новом понимании самого предмета философии, ее роли в разумно упорядоченной человеческой деятельности, обобщенные формулировки которых мы находим в его энциклопедических статьях.

¹ Стёпин В. С. Философия // Новая филос. энцикл. Т. 4. С. 197